

Н. А. ГЕРЦЕН

ТОПОС «ТИШИНЫ» В ОДАХ XVIII века

Автор анализирует смысловое наполнение топоса «тишина» в русской оде XVIII в. Исследователь констатирует его преобладание в контекстах, объединенных темой идеального правления и гармоничного социума, и приходит к выводу о связи топоса «тишина» и процесса формирования ключевых общественно-политических идеологем XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: топос, «тишина», русская ода XVIII в., идеологемы XVIII – начала XIX вв.

«Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1747 года» начинается своеобразным гимном тишине, которая возвратилась в Россию с воцарением Елизаветы:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна! [Ломоносов, 1984; с. 32].

О какой тишине говорит поэт? И почему она полезна и красна?

Ломоносов излагает здесь свою государственную политическую программу, принципы правления идеального монарха, а также воспевает самую задушевную свою идею — идею высокой национально-государственной и нравственной пользы наук.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают... [Там же, с. 80]

Но науки и искусства могут развиваться только в мирной жизни, т. е. в состоянии тишины. По мысли Ломоносова, Петр «расширял науки», ища тишины для России, теперь и «Дочь Петрова» должна продолжить и преумножить его дело.

Упоминание о тишине часто встречается и в других одах М. В. Ломоносова и в проповедях Ф. Прокоповича, и в стихотворных произведениях, посвященных русским монархам, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича и даже в стихах А. С. Пушкина.

В словаре В. Даля находим такое толкование слова *тишина*: «Когда все тихо: молчанье, безгласность, отсутствие крика, шума, *мир, покой, согласие и лад*; отсутствие тревоги, либо ссоры» [Даль, 1956].

Именно о такой тишине говорят поэты этого времени, используя «стереотипный, клишированный образ, мотив, мысль», то есть топос [Литературная энциклопедия, 2003, с. 1076].

Возникшее в риторической традиции понятие «топоса» широко применяется и в литературоведении, и в философии, и в культурологии. По мнению исследователя, топосом в классическом литературоведении можно назвать «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики» [Булгакова, 2008, с. 4]. Используя топос и как коммуникативный инструмент, с помощью которого можно анализировать какое-либо явление в культуре или литературе, рассмотрим топос «тишины» в одах XVIII века.

Большое количество упоминаний «тишины» мы находим в одах М. В. Ломоносова. Его оды, поэтические панегирики — жанр специфический, комплиментарный, риторический, созданный в большой степени им самим — были удачной возможностью для поэта высказать свои пожелания, поучения монархам, наметить политическую программу их царствования. В них одновременно сочетались восхваления и поучения, придворная поэзия и великолепная лирика. «Восторг внезапный ум пленил», — начинает Ломоносов одну из первых своих од, этот восторг — признак вдохновения, которое ведет его «наверх горы высокой», где вольно может творить поэт, где его «устаи движет Бог» и где можно свободно с царями говорить. Но при этом, с высоты поэт замечает, что в долине — «тишина глубокая» [Ломоносов, 1984, с. 32].

Поэт создает целый ряд панегирических од, посвященных императрице Елизавете Петровне, в которых этот топос активно разрабатывается. Елизавета «отраду с тишиной приводит» [Там же, с. 50], она царствовать хочет «Зефира тише», Россия и ее соседи должны жить «в глубокой тишине» [Там же, с. 106], сама Елизавета «тишиной возвышается» [Там же, с. 112], «душа ее Зефира тише» [Там же, с. 78], она «питает своих подданных тишиной» [Там же; с. 117], поля и реки покоятся «в недрах мягкой тишины» [Там же, с. 121], «море нашей тишины уже пределы превосходит» [Там же; с. 90], и «правда тишину лобзает» [Там же, с. 125]. Употребляются эпитеты «возлюбленная», «глубокая», «мягкая» тишина, она «полезна», «красна». Подводя итог правлению императрицы, Ломоносов говорит: «Державство кроткое весны прекрасной тише» [Там же, с. 146].

Проанализировав употребление данного топоса в одах Ломоносова, можно разглядеть целую программу приобретения «тишины»: тихая спокойная душа правителя приводит подданных к мирной и тихой жизни, к спокойствию границ, к миру с соседями. Этим сам правитель возвышается и этим питает свой народ, а его царство становится «весны прекрасной тише». Очевидно, что эпитеты тоже несут смысловую нагрузку: «возлюбленная тишина» означает наилучший способ царствования, «глубокая» — твердость, незыблемость мирной жизни, «мягкая» — спокойную жизнь подданных, «полезна» — приносящая пользу людям, «красна» — обладает красотой.

Часто встречаются в поэтических текстах синонимы «тишины» — «покой», «мир». Елизавета, «любя вселенныя покой, дарует мирные оливы» [Там же, с. 50], «мир в полях и над водами» [Там же, с. 59], «нас красит сладостный

покой» [Там же, с. 68], все «глубокий мир питает» [Там же, с. 88], «радостная Россия покоится среди миров» [Там же, с. 92], и даже звучит призыв: «мы здесь в возлюбленном покое к полезным припадем трудам» [Там же, с. 94].

Следовательно, топос «тишины» в одах Ломоносова означает «покой», «мир», согласие, отсутствие войны, что создает образ идеального правления — спокойного, справедливого, благополучного. Очевидно также, что ожидание тишины, покоя, упование на них, благодарность за них обращены в основном к императрице Елизавете. Поэт ожидает от неё тихого правления, стабильности, восстановления народной жизни, мирного труда. Екатерине II Ломоносов посвятил всего две оды. В первой из них «Оде на день брачного сочетания Екатерины и Петра 1745 года» топос «тишины» не относится непосредственно к самой Екатерине, а к соседним государствам: «Союзы царства, утверждайте в пределах ваших тишину» [Там же, с. 58]. Во второй, очень важной для поэта, «Оде на восшествие на престол», где он формулирует по существу программу идеального правления, понятие «тишины» относится к российскому народу: «Ты вне гроза, ты внутрь покров, // Ты буря там, здесь — тишина» [Там же, с. 126]. В этих одах совершенно нет советов, рекомендаций, упований хранить тишину, нет пожеланий быть «тишайшей». Есть только советы хранить заветы Петра Великого и его Дщери.

Почему Ломоносов выбирает этот топос и относит его преимущественно к Елизавете? Именно ее он хочет видеть таким тихим или «тишайшим» правителем? Это может быть связано с этимологией имени Елизавета, что означает «Почитающая Бога, обет Богу». Но дело не только в этом. Возникает ассоциация иного рода. Тихим или тишайшим в русской исторической памяти остался царь Алексей Михайлович Романов. Но его правление не было тихим. «Бунташный век» — так иногда называют XVII столетие.

Откуда пришло такое понимание тишины и такое именование правителя? Наставник и учитель Ломоносова, Феофан Прокопович, духовный соратник Петра, общественный деятель, литератор, блестящий проповедник, в своей первой трагедокомедии «Владимир» высказывает пожелание «державе» — «здравия» и «тишину безбедну». Топос «тишины» тоже часто встречается в его произведениях и проповедях. В «Слове на взятие Гданьска...» он пишет: «Пришла веселая тишина, которая нас около двенадцати лет тешила» [Прокопович, 1961, с. 125], — о заключении честного и полезного мира после трудной шведской войны. В его ораторских произведениях часто используется синонимический ряд: «мир — блаженство — тишина», активно развивается идея Петра об установлении в государстве и в Европе «генеральной тишины».

Надо отметить, что при этом война понимается как единственная возможность обеспечения целостности и благополучия России. Феофан Прокопович, а за ним и Ломоносов, считали, что Петру приходилось завоевывать тишину «марсовым железом».

Истоки возникновения этого топоса — в старинной формуле «тишина и покой», символизирующей благоустроенное, спокойное и процветающее государство. Она встречается в литературе уже в XVI веке. Но в начале XVII века, по вполне понятным историческим причинам, после Смуты и разорения русского государства она становится очень актуальной. В Хронографе 1617 года мы находим много примеров этого топоса: о правлении царя Федора Иоанновича говорится, что царство его «без мятежа в тишине пребываше».

Г. Отрепьев и Тушинский вор именуются «развратники тишины», а их приверженцы — «мятежники тишины». Избрание на престол Михаила Романова названо «сладостныя тишины свободный день». В следующем фрагменте говорится, что по смерти Михаила царский венец надел «благородный сын его, благочестивейший, тишайший <...> великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович...» Очевидно, что слово «тишайший» становится элементом титула [Панченко, 1999, с. 12].

Таким образом, в государственной фразеологии «мятеж» противопоставляется «тишине». Следовательно, «тишайший» монарх — это «обладатель тишины», т. е. царь, который умеет поддержать мир и порядок в государстве, который и сам обладает тихим нравом. Это определение, появившееся в правление Алексея Михайловича, стало и прозвищем царя, и частью его титула, и положительной характеристикой правления, и выражением совокупности черт идеального монарха. Тенденция рассматривать православного государя как «тишайшего» была свойственна официальной идеологии, общественной и культурной сфере. Титулярный элемент олицетворял символ монархии, но был обращен не к личности монарха, а к его власти. С другой стороны, большую роль в формировании представлений о монархе сыграл и сам государь Алексей Михайлович, принимавший непосредственное участие в оформлении самодержавной идеологии, атрибутики и имиджа правителя, что было насущной необходимостью послесмутного времени. В отличие от своего сына, царя — реформатора Петра I, Алексей Михайлович действовал последовательно и настойчиво, но без насильственных директивных внедрений.

Обаяние его личности было велико. Свидетельства иностранцев рисовали его как идеального правителя, современники относились к нему с большим уважением. В некоторых иконописных ликах, написанных во время его правления, можно было разглядеть черты «тишайшего» царя. Встречалось это определение и в придворной поэзии. Наставник царских детей, поэт Симеон Полоцкий включал его в название своих панегирических приветств в «Римфологионе».

Топос «тишины» активно разрабатывался в литературных, публицистических, панегирических произведениях второй половины XVII века, отражавших официальную идеологию. Представления их авторов о счастливом царствовании были связаны с пожеланием «тихости» царю и ожиданием «тихо и безмолвно житие пожить», а главные качества правителя — благочестие, правдивость, благоразумие, тишина [Грибоедов, 1896, с. 60].

Представления о тихости монарха и тишине правления связывались в общественном сознании той эпохи с отсутствием войн и разорений, с воцарением государя без «тиранских» склонностей. Отсутствие страстей и пороков у правителя, мирный нрав, с одной стороны, и спокойное тихое царствование, с другой стороны, являются гарантиями благополучия государства.

В качестве элемента титула «тишайший» был унаследован преемником царя — Федором Алексеевичем. После его смерти до 1696 года в России было два царя Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, и оба титуловались «тишайшими». Затем так именовался Петр Алексеевич в начале своего правления. При нем Русь превратилась в императорскую Россию, реформировался и монарший титул. Постепенно под влиянием реальной политики самодержца и несоответствия его характера понятиям «тишина» и «покой» произошло

изживание этого элемента из титула. Но он продолжал существовать в идеологии, культуре, общественном сознании как некий ценностный ориентир.

Использование данного топоса Ломоносовым свидетельствует о том, что он, с одной стороны, продолжал традицию, сложившуюся в XVII веке — формирование представлений об идеальном правителе путем активного внедрения в общественное сознание государственно-политического дискурса идеального правления, как олицетворения «тишины» и благополучия. А с другой стороны, он возлагал особые надежды на правление Елизаветы, Дщери Петровой. Именно она, по его мнению, вследствие славного происхождения и своих личных качеств, могла стать таким «тишайшим», т. е. обеспечивающим мир и благополучие в стране правителем.

Какова же дальнейшая судьба этого топоса? Оказывается, что в одах и стихотворных произведениях Г. Р. Державина тоже часто встречается и активно разрабатывается топос «тишины». В одах, посвященных Екатерине, поэт пишет, что она «мирно царствует», «ангел наших тихих дней», она «украшается тишиной» [Державин, 2002, с. 95]. Глядя на нее, по мысли поэта, другие цари «мирно царствовать учатся» «мирно Твой завет храня» [Там же, с. 83]. «Война... лишь удивляет чернь одну», а «Всяк мудрый любит тишину» — утверждает Державин. «Прекрасный и полезный мир!» [Там же, с. 104], — даже восклицает он вслед за Ломоносовым.

В оде «Изображение Фелицы» читаем:

Да будет тишина, — сказала,
И к нам бы тишина пришла [Там же, с. 115].

Фельдмаршал Румянцев во главе русских войск лишь молнии посылает («молнии дхнет сугубы»), а «Екатерина — тишину!» [Там же, с. 132]

И в Божеске востроге сем
Я вижу в тишине полсвета!» [Там же, с. 206]

В оде, посвященной Павлу, поэт подчеркивает:

«В той истине уверен твердо,
Что царство не войной цветет... [Там же, с. 247]

В оде «На восшествие на престол Александра I» Державин советует юному царю:

Ты в мире брань готовить станешь,
Войну обнимешь тишиной...
И дни твои потекут «как тихия реки ток чистый».
По бранех царствуй тишина! [Там же, с. 429]

В стихотворении «Радуга» — это символ «тихих дней мира, к счастью всех царей и царств». И даже аллюзия с Ломоносовым:

Прострись вокруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой! [Там же, с. 365]

В отличие от Ломоносова в отношении Державина к императрице Екатерине, топос «тишины» обозначает не только тихое правление, но и тихость характера правителя, отсутствие у него страстей. Не случайно здесь сопоставление тишины в природе и в облике монархини:

Поля лобзала тишина;
 Все бrenно естество молчало,
 Смотря, как шествует она... [Там же, с. 508]

И далее следует прямое поучение поэта своей державной правительнице:

Будь страстей своих владетель,
 Будь на троне человек!
 ... подданным отец!
 Монархам образец!
 Утешение сердец! [Там же, с. 397]

Встречается этот топос и в поэмах И. Ф. Богдановича, и вновь как обращение к правителю и поучение.

О ты, земли и неба царь!
 Ты смертным тишину приносишь... [Богданович, с. 144]
 Повсюду правда, мир и тишина святая. [Там же, с. 188]

У поэта часто повторяются эпитеты «тишина приятная», «тишина святая».

Следуя установившейся традиции, обращаясь к правителю, И. Ф. Богданович также излагает свою программу: царь должен установить «подданных согласие», «образ кротости собою им явить»... [Там же, с. 191] «И прежних тишину веков возобновить...», а в народе «узря тишайшу власть», исчезнет «грозный страх» [Там же, с. 193].

У А. П. Сумарокова в одах к Елизавете тоже находим упоминание тишины. Елисавет, «исполненная днесь любви», бережет своих подданных и «в тихости своей скипетр берет» [Сумароков; с. 61], она «полсвету возвратила покой» и «тишину установила» [Там же; с. 60]. Теперь все могут наслаждаться тишиной, а она «в тишине увеселенна, покоится на трудах своих» [Там же, с. 66].

Находим отголоски этой традиции и у А. С. Пушкина. В его ранних стихах топос «тишины» встречается часто, но в значении более привычном для нас: тишина в природе. И эпитеты соответствующие: тишина «волшебная», «безмолвная», «прелестная», «святая», «священная», «желанная».

И только в «Воспоминании о Царском селе» вдруг видим такие строки:

Промчались навсегда те времена златые,
 Когда под скипетром великия жены
 Венчалась славою великая Россия,
 Цветя под кровом тишины [Пушкин, 1985, с. 52].

И в стихотворении «Александрю»:

Склони на свой народ смиренья полный взгляд...
 И брани сокрушив могущею рукой,
 Вселенну осени желанной тишиной! [Там же, с. 98]

В стихотворении «Наполеон на Эльбе» встречаются не эпитеты с топосом «тишины», а глаголы. «Тишина простерлась», «тишина прорвется», «тишина на воды пала», «тихонько пробегала» [Там же, с. 78, 80].

И наконец, в обращении к В. Л. Пушкину:

Дай Бог, чтобы во всей вселенной
 Воскресли мир и тишина [Там же, с. 121].

Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины! [Там же, с. 132]

По мысли Лотмана, отличительной чертой культуры того времени являлась ее ориентированность на язык, а жизнь воспринималась сквозь призму художественного текста, способствовала тому, что в поэтическом языке формулировались общественные представления, возникали устойчивые формулы, творились идеологемы, которые затем закреплялись в сознании социума. В свою очередь, они служили рекомендацией самим правителям, образывая «целостную программу личного поведения, которая в определенном отношении влияла на характер их будущей деятельности» [Лотман; 2000, с. 234].

Традиция формирования представлений об идеальном правителе, внедрения в общественное сознание образа идеального правления как олицетворения «тишины» и благополучия продолжилась в русской культуре и литературе в XVIII — начале XIX вв. Можно предположить, что в несколько измененном виде она и сейчас присутствует в нашей культуре. Проследить ее функционирование стало возможно с помощью топоса, содержащего и сохраняющего различные смыслы, передающего их новым поколениям, являющегося незаменимым мобильным способом развертывания мысли и соответственно текста, посредством которого может быть описано культурное пространство и отражение представлений о мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957.
2. *Булгакова А. А.* Топика в литературном процессе. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы. 2008.
3. *Грибоедов Ф. И.* Истории о царях и великих князьях земли Русской//Памятники древней письменности. Т. СХХI. СПб, 1896.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1956.
5. *Державин Г. Р.* Сочинения. Новая библиотека поэта. СПб, 2002.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный редактор и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003.
7. *Ломоносов М. В.* Стихотворения. М.: Советская Россия, 1984.
8. *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — нач. XIX вв. // Из истории русской культуры. 2 изд. Т. 4. М., 2000.
9. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. СПб: Юна, 1999.
10. *Пушкин А. С.* Сочинения в 3 томах. Т. 1. М. : Художественная литература, 1985.
11. *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957.
12. *Прокопович Ф.* Сочинения/ Под ред. И. П. Еремина. М.-Л., 1961.

Поступила в редакцию 10.02.2014